

**О ПРОПУЩЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ
В КНИГЕ «СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА
В ПЕРЕВОДЕ И С ОБЪЯСНЕНИЯМИ А. ФЕТА»**

К переводу книги стихотворений Катулла Фет приступил, возможно, в конце 1884 — начале 1885 года. 29 ноября 1884 года ставший впоследствии академиком, а в то время профессор Московского университета Ф. Е. Корш в шутовском стихотворном послании к Фету призывал его: «Так принимайся же скорее за Тибулла, / И за Проперция, потом и за Катуллу»,¹ а уже 3 февраля 1885 года Фет в письме к Вл. Соловьеву сообщал: «Мой Катулл подвигается. Остаются большие гекзаметры ergo более скучные, но менее трудные».² Работа шла быстро, и 2 ноября 1885 года сборник получил разрешение Цензурного комитета, а 20 ноября 1885 года Корш уже благодарил Фета за подарочный экземпляр книги:

Gratias tibi maximas Catullus
Agit, docte poeta, Korschiusque,
Laudator tuus et simul Catulli.³

Спустя месяц, 15 декабря 1885 года, Я. К. Грот написал Фету: «Поздравляю Вас с двумя новыми лавровыми венками, которые Вы сплели себе победами над Катуллом и Тибуллом. <...> По-моему, именно так надо переводить, добывая с бою каждую мысль подлинника своему

¹ *Письма Корша*. С. 42.

² Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 394.

³ «Величайшую благодарность приносят тебе, ученый поэт, / Катулл и Корш, поклонник и твой, и Катуллу». Цит. по: *Письма Корша*. С. 44—45.

языку и своему народу; так называемые вольные переводы я, вместе с Вами, считаю ложным родом, позволительным только в виде поэтической игры, между делом, оригинальному таланту».⁴ Таким образом, несмотря на то, что на обложке книги значится 1886 год, сборник переводов из Катулла (как это нередко случалось) вышел в свет в первой половине ноября 1885 года.

Известно, что, занимаясь переводами из римских поэтов, Фет часто пользовался консультациями людей из своего окружения, сведущих в античности. Так, в разное время ему помогали Вл. Соловьев, граф А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш, Д. И. Нагуевский и другие. Не стало исключением и издание Катулла, которое открывалось посвящением Вл. Соловьеву, помогавшему Фету в работе над переводом:⁵

**ВЛАДИМИРУ СЕРГЕЕВИЧУ
СОЛОВЬЕВУ**

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот Веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убую
Я при такой перекочевке,
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке.

Воробьевка.
1885 года, 17-го мая.⁶

Помогал Фету и Корш, с которым, по признанию самого Фета, они «проследили всего <...> Катулла».⁷ Значимость участия Корша в осу-

⁴ *ИРЛИ*. № 20282. Л. 7.

⁵ См.: *Григорьев А. А., Фет А. А.* Поэзия. Проза. Воспоминания / Сост., предисл., коммент. А. И. Журавлевой, Г. В. Зыковой. М., 2000. С. 641; Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881–1892). С. 366.

⁶ Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. С. V. Далее ссылки на это издание: *Фет. Катулл (1886)*, с указанием страницы.

⁷ В своих воспоминаниях Фет писал: «...не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с ко-

ществлении этого издания очень велика: вероятно, он давал советы по переводу сложных мест латинского текста, консультировал Фета по вопросам античности.⁸

К сожалению, в той части переписки, которая была опубликована Н. М. Мендельсоном и Г. А. Космолинской, почти не отразился факт совместной работы Фета и Корша над переводом Катулла, она, очевидно, проходила в устных беседах. А. А. Грушка, ученик Корша и сам впоследствии профессор университета, писал: «...мастерство Ф<едора> Е<вгеньевича> как учителя обнаруживалось в гораздо большей степени в обстановке интимной научной беседы. <...> Но этот вид научного общения имел и теневую сторону: он несомненно отнимал у Ф<едора> Е<вгеньевича> гораздо больше времени, чем это было бы желательно в интересах его писательской деятельности, тем более что далеко не все обращавшиеся за помощью и советом к Ф<едору> Е<вгеньевичу>, в достаточной степени щадили его драгоценное время, а Ф<едор> Е<вгеньевич>, несмотря на свое глубоко-отрицательное отношение к учению Льва Толстого — в чем он сходиллся с Владимиром Соловьевым — практически, вследствие своей крайней деликатности, доходил иногда в данном случае до подлинного непротивления злу». Под теми, кто не «щадил время» профессора, Грушка подразумевал в том числе и Фета, на что прямо указывал в сноске: «Так, например, по словам близких к Ф<едору> Е<вгеньевичу> лиц, поэт Фет, в периоды своих занятий переводами латинских авторов, засиживался у Ф<едора> Е<вгеньевича> от 12 ч. дня до 2 ч. ночи!».⁹

Значение труда Фета для русской переводной литературы состоит прежде всего в том, что он первым познакомил русского читателя со всем многообразием таланта римского поэта. Перевод стихотворений Фет предварил «Предисловием» (что является традиционным для его изданий, см. «Предисловия» к переводам Горация, Ювенала, Пропер-

торым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и половину Проперция <...>» (МВ. Ч. 2. С. 392).

⁸ Основания так думать дают комментарии к переводам из Ювенала. См.: *Письма Корша*. С. 35–52; *Письма к Коршу*. С. 204–228.

⁹ *Грушка А. А. Федор Евгеньевич Корш*. М., 1916. С. 23–24. На данный факт указывает также Н. К. Дмитриев: «А. А. Фет, задумавший перевести на русский язык творения Горация, Катулла, Тибулла, Проперция и других классиков, нашел в Ф. Е. Корше идеального консультанта. Биографы отмечают, что Фет, злоупотребляя юношеским (sic! В период работы над Катуллом Коршу было 42 года. — Н. А.) энтузиазмом Корша и его любовью к античной поэзии, нередко засиживался у него до 2 часов ночи» (*Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш*. М., 1962. С. 30). На значимость общения «в узком домашнем кругу своей жизни» указывал также и С. П. Обнорский в некрологе Корша (*Обнорский С. П. Памяти академика Ф. Е. Корша*. Пг., 1915. С. 8).

ция и др.) и небольшой статьей «Жизнь Катулла», в которых раскрыл принципы работы с латинским текстом, познакомил читателя с личностью поэта, дал характеристику особенностей стиля, а также представил свое понимание специфики поэзии Катулла. В самом начале «Предисловия» Фет озвучил основную мысль, пояснив, что Катулл для него — «римский Пушкин» (подобное сравнение вызвало недовольство рецензентов и критиков), столь же самобытный, потрясающе страстный, остро реагирующий на всякое впечатление и столь же трудно поддающийся художественному переводу: «Возможно ли переводить Пушкина, у которого и телятина и яичница, и даже ревматизм и паралич овеяны невыразимой прелестью? Не верите? Попробуйте сами написать или перевести пушкинскую телятину, и тогда только вы поймете, почему Маколей каждый раз плакал от умиления, читая 8 и 76 песни Катулла». ¹⁰ Сравнив книгу стихотворений Катулла с картинной галереей, Фет отметил ее «изумительное» разнообразие. Вместе с тем, отмечая многогранность таланта Катулла, Фет, в отличие от многих более поздних исследователей, понимал, что эта многоликость составляет единое целое, и нельзя отдельно рассматривать, например, «Катулла влюбленного» и «Катулла бранного». Позднее эту важную мысль развил М. Л. Гаспаров. ¹¹

Следуя своей концепции перевода, Фет старался передать эту отличительную черту стихотворений Катулла — разнообразие, проявившееся на всех уровнях, начиная со структуры сборника. Так, он сохранил исконное расположение стихотворений, которое было модно во время создания Катуллового сборника и носило название *roikilia* («пестрота»): стихотворения располагались не по тематическому или хронологическому принципу, они были перемешаны, и читатель мог сам искать связь тех или иных стихотворений и выстраивать тематические циклы. Такой принцип организации сборника пришел из греческой поэзии. Фет оставил расположение стихотворений по принципу *roikilia*, в отличие от некоторых других последующих издателей, которые распределяли стихотворения, например, по тематическому принципу, деля их на три цикла (см. три раздела в сборнике стихотворений Катулла, подготовленном М. Н. Чернявским: «Лесбия», «Друзья и враги», «Путешествие и возвращение на Родину» ¹²). Нельзя не отметить,

¹⁰ Фет. *Катулл* (1886). С. IX.

¹¹ Гаспаров М. Л. Поэзия Катулла // *Катулл Гай Валерий*. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М., 1986. С. 155–207 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание Катулла: *Катулл* (1886), с указанием страницы.

¹² *Катулл Гай Валерий*. Лирика / Сост., вступит. статья и примеч. М. Н. Чернявского. М., 1957. 148 с.

Александр Блокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

КАТУЛЛА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. ФЕТА

МОСКВА

Типографіи А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5

1886

«Стихотворения Катулла» в переводе Фета (М., 1886).
Обложка. Экземпляр из библиотеки А. А. Блока

что подобный подход к распределению стихотворений был, без сомнения, близок самому Фету, который, издавая свои поэтические сборники «Вечерние огни», первый выпуск (1883) сформировал традиционно по разделам (предложенным еще Ап. Григорьевым для ранних сборников (1840, 1850) и сохранившимся впоследствии в сборниках 1856 и 1863 годов), а начиная со второго (1885) и далее ввел нумерацию римскими цифрами и снял названия разделов. Очевидно, что к этому решению его подтолкнул сборник Катулла, переводом которого он занимался именно в 1885 году.

Богатство жанров, которое является одной из характерных черт сборника стихотворений Катулла, «где в хаотическом беспорядке рядом со сравнительно большими оригинальными картинками и копиями красуются летучие силуэты в две строчки»,¹³ также отразилось в переводе. Фет постарался передать и метрическое разнообразие сборника. Конечно, это не всегда являлось возможным, что объяснимо как разницей систем стихосложения, так и разницей языков.

Тонкость понимания стиля римского поэта проявилась также в выборе лексики. Катулл широко использовал лексику самых разных стилистических пластов: архаизмы и неологизмы, жаргонизмы и грецизмы, просторечные и «ученые» слова и др. В переводе Фета также появляются архаизмы (см. XXIII, 1 и XXIV, 5, 10: «скриня» — устар., в оригинале «агса» — ящик, сундук, ларь); просторечная лексика крестьян родной Фету Орловской губернии (см. XLIII, 3: «неистязный» — то же, что «недлинный», в оригинале «(не) longus» — (не)длинный); диалектизмы (см. XXII, 10: «копач» (то же, что «землекоп») вместо «fossor» — землекоп, рудокоп; в X, 33 Фет использует местное слово «непропека» вместо «insulsus» — несоленый, безвкусный, пресный, лишенный вкуса, любящий безвкусное, пошлый, плоский, лишенный остроумия). Фольклорное начало, которое сильно в сборнике Катулла (и которым иногда объясняют вообще появление бранных стихотворений в творчестве Катулла, возводя их истоки к итальянскому фольклору), в переводе передается и на уровне лексики (см. XXXII, 1: «голубка», в оригинале «dulcis» — сладкая), и на уровне использования фольклорных заговорных формул (см. XXVII, XXXVI).

Отдельно стоит отметить внимательность Катулла к звучанию стиха, проявившуюся в частом использовании аллитерации (что было вообще свойственно римской литературе), в игре на созвучии слов,¹⁴

¹³ Фет. *Катулл (1886)*. С. XXX.

¹⁴ Игра слов и каламбуры не были чужды и самому Фету. См., например, стихотворения «Хоть потолстеть мой дух алкает...», «Фет али Шаха», «Сперва меняя тип за типом...».

В этой эпиграмме присутствует целых пять суперлятивных и элятивных форм прилагательных, что является пародией на стиль самого Цицерона. Фет весьма точно передает поэтический синтаксис данного стихотворения, допуская, однако, изменение типа анжамбемана в стихе 5: в оригинале перенос осуществлен на главных членах предложения *Catullus / agit* (стоит отметить, что это отнюдь не единичный случай, см. XXXI, XXXVI и др.). Также происходит изменение имени (вместо «Ромул» Фет переводит «Рем»)¹⁹.

И, наконец, Фет первым показал русскому читателю всю тематическую пестроту сборника стихотворений римского поэта. Это не только тема любви, «возвысившей его до высочайших степеней лиризма»²⁰ и раскрывающая все перипетии взаимоотношений поэта с возлюбленной, Лесбией (настоящее имя — Клодия). Это и стихотворения, проясняющие эстетическую позицию поэта и его понимание творчества, и стихотворения «антицезарьянского»²¹ цикла, а также стихи, раскрывающие тему дружбы, причем не в общественно-социальном ключе, что было принято до Катулла, а как историю сугубо личных, интимных взаимоотношений.

Таким образом, Фет старался передать все особенности и оттенки таланта переводимого поэта, показать русскому читателю эстетику текста в том виде, в каком она предстает в оригинале. Переводя античных авторов, Фет чувствовал свою просветительскую миссию, о чем он сам неоднократно заявлял (см., например, «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», а также предисловия к переводам).

Книга «Стихотворения Катулла» вызвала, как и многие другие работы Фета, неоднозначную реакцию. Так, например, П. Н. Краснов, первым откликнувшийся на перевод Катулла рецензией в «Журнале Министерства народного просвещения», среди недостатков работы называет отсутствие изящности формы («Изящная чувственность Катулла, несомненно, требует и изящного ее выражения. Мало-мальски грубый тон может сделать подобные стихотворения совсем отталкивающими. А между тем мы не узнаем в переводе Катулла изящного лирика-Фета»²²), сомневается в справедливости сравнения Катулла и Пуш-

¹⁹ Интересно, что позднее А. И. Пиотровский при переводе допускает такое же изменение имени. Хотя надо отметить, что в его переводе не выдержано и соотношение форм превосходной степени прилагательных в стихотворении. У С. В. Шервинского имя переведено точно (см.: *Катулл (1986)*. С. 30).

²⁰ *Фет. Катулл (1886)*. С. XX.

²¹ Определение И. В. Шталь. См.: *Шталь И. В. Поэзия Гая Валерия Катулла. Типология художественного мышления и образ человека*. М., 1977.

²² *К. Н. С—ский <Краснов П. Н.>. Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета*. М. 1886 // *ЖМНП*. 1886. Ч. 245. № 6. Отд. 5. С. 433.

кина, обвиняет поэта, что он сам же строго не следует «высказанному желанию возможно ближе придерживаться подлинника: иногда он переводит Катулла не довольно буквально; многие места переданы не совсем ясно; встречаются неточности, положительно затрудняющие понимание перевода и подчас даже искажающие смысл оригинала».²³ В качестве слабых мест перевода Фета Краснов указывает и «множество неправильностей грамматических и метрических».²⁴

Но рецензент отметил и «громадную заслугу» Фета в том, что он представил первый перевод Катулла, если не считать переводов отдельных стихотворений, выполненных другими авторами (Мерзляковым, Пушкиным и Модестовым).²⁵ Чтобы показать, «до какой высоты может подниматься г. Фет в передаче древних поэтов»,²⁶ Краснов привел стихотворения ХСVI, XXVI и XIII. В целом отрицательный отклик завершился следующим резюме: «Во всяком случае мы склонны видеть в лице г. Фета только авангард переводчиков, в которых так нуждается русская публика».²⁷

Возможно, общий негативный тон отзыва был продиктован еще и тем, что в это же время Краснов в «Журнале Министерства народного просвещения» выпустил свои стихи под заглавием «Из древних поэтов». Помимо одного стихотворения Катулла туда вошли переводы двух стихотворений Овидия, по одному стихотворению из Горация и Тибулла, а также пять эпиграмм Марциала. Из Катулла Краснов перевел стихотворение XLIII, озаглавив его «О подруге Формиана» (в переводе Фета — «К подруге Мамурры»):

П. Н. Краснов
О ПОДРУГЕ ФОРМИАНА

Так вот подруга Формиана,
Вот слава всех окрестных сел!
Я ничего в ней не нашел:
Ни строгой правильности стана,
Ни черных, пламенных очей,
Ни уст с пленительной улыбкой,
Ни бледно-розовых ногтей.
Ужели речью неискусной

Фет
К ПОДРУГЕ МАМУРРЫ

Здравствуй, дева, ты, чей нос не
скуден,
Некрасивы ноги, глаз не черен,
Неистяжны пальцы, рот не вытерт
И язык не слишком-то изящен,
5 Нежный друг мотыги Формианца.
Ты ль слывешь в провинции
прекрасной?

²³ Там же. С. 431.

²⁴ Там же. С. 434.

²⁵ Там же. С. 436.

²⁶ Там же. С. 437.

²⁷ Там же. С. 438.

Ей удалось его пленить?
И эту с Лезбией сравнить!?
О, век пустой, о, век безвкусной!²⁸

Лезбию мою с тобой равняют?
О какой же век тулой и грубый!²⁹

Для того чтобы волне оценить степень различия подходов к работе с текстом оригинала двух авторов, обратимся к дословному подстрочному переводу:

Salve, nec minimo puella naso
nec bello pede nec nigris ocellis
nec longis digitis nec ore sicco
nec sane nimis elegante lingua,
5 decoctoris amica Formiani.
ten provincia narrat esse bellam?
tecum Lesbia nostra comparatur?
o saeculum insapiens et infacetum!³⁰

Здравствуй, девушка не
с крошечным носом
и не с красивой ногой, не
с черными глазами,
не с длинными пальцами, не
с сухим ртом,
с совершенно некрасивой речью,
5 подруга мота формийца.
Не о тебе провинция говорит,
что ты красивая?
Тебя с Лесбией нашей сравнивает?
О, век неразумный и грубый!³¹

В оригинале у Катулла заглавий нет (что является традицией античной поэзии). Но с формальной стороны заглавие Краснова, конечно, точнее отражает содержание самого стихотворения, в котором прямо называется «amica Formiani». Однако Фет ввел в заглавие имя исторической личности, Мамурры (правая рука Цезаря и объект постоянных насмешек и нападок Катулла), который как раз и скрывается за перифразой «формиец», а также сопроводил свой перевод подстрочным комментарием и облегчил тем самым понимание стихотворения непосвященному читателю. Если рассматривать формальную сторону, то перевод Фета ближе к оригиналу не только по количеству строк (у Краснова на две больше), но и по передаче последовательности развития событий. Краснов изменил структуру стихотворения, начав сразу с того, что подруга формийца — признанная всеми красавица, каковой, по мнению лирического героя, она вовсе не является. Тем самым при переводе Краснов потерял не только иронический оттенок звучания, присущий оригиналу, но и некоторое психологическое напряжение, в котором с самого начала удерживает читателя стихотворение Катулла. При очевидной разнице подходов к переводу, возможно, не-

²⁸ Из древних поэтов / Пер. К. Н. С—ского <П. Н. Краснова>. <СПб., 1886> (отд. отт.); впервые: *ЖМНП*. 1886. Ч. 246. № 7. Отд. классической филологии. С. 43.

²⁹ *Фет. Катулл (1886)*. С. 38.

³⁰ *Catullus (1884)*. S. 83.

³¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. — *Н. А.*

гательная рецензия Краснова была вызвана несогласием с позицией Фета-переводчика и чувством соперничества.

Позднее прозвучали отзывы многочисленных учеников Ф. Е. Корша, сравнивавших фетовский перевод Катулла с переводами своего учителя. Так, профессор Б. В. Варнеке, давая высокую оценку переводам Корша из Катулла,³² отмечал: «Переводы из римских поэтов отличаются легкостью и произвольной простотой, особенно если их сравнивать с топорными переводами тех же элегиков А. А. Фетом, кстати сказать, постоянно пользовавшимся его указаниями и вместе с гр. А. В. Олсуфьевым принадлежавшим к числу его частых посетителей».³³

Подобное невысокое мнение о качестве переводов Фета из Катулла стало общепринятым.³⁴ Вместе с тем исследователи и критики (начиная с Краснова) видят несомненную заслугу поэта в том, что он первым выполнил *полный перевод* дошедших до нас произведений Катулла. Однако М. Л. Гаспаров, который также говорит о «полном переводе», отмечает, что Фет опускает «несколько непристойных мелочей».³⁵ Что же это за мелочи?

Корпус дошедших до нас стихотворений Катулла насчитывает 116 текстов, расположенных, как уже отмечалось, по принципу *poikilia*. Из них Фет пропускает 14, хотя в издании А. Ризе 11 из этих стихо-

³² «...Ф<едор> Е<вгеньевич> охотно занимался переводами стихотворений поэтов самых разных времен и стран. Лучшими из них я лично считаю переводы из Катулла, вошедшие в состав его речи о римской элегии» (*Варнеке Б. В.* Памяти Ф. Е. Корша. Одесса, 1915. С. 37).

³³ Там же. С. 14.

³⁴ Так, Н. К. Дмитриев писал: «Фет был признанным мастером стиха и тонким лириком. И тем не менее в тех случаях, которые поддаются сравнению, мы неоднократно убеждаемся, что переводы, данные Коршем, зачастую сильнее, чеканнее и вообще художественнее». Приведя в качестве примера перевод известного V стихотворения Катулла («Будем, Лезбия, жить...»), Дмитриев отмечал, что, несмотря на отказ от попыток передать размер оригинала, Корш «выразил здесь все, что вложено в античный подлинник», в то время как «другие переводчики, и в том числе Фет, втискивая русские слова в античный размер, в конце концов не передали и формы и уж конечно обесцветили и ослабили содержание». Схожую оценку получило и переведенное Фетом знаменитое LXXXV стихотворение «*Odi et amo*: «Нам кажется, что единственным недостатком коршевского перевода является отступление от формы оригинала (четыре строки вместо двух), а единственным достоинством других переводов является как раз сохранение формы». Правда, далее Дмитриев нивелирует и это преимущество, отмечая, что как у знатока теории стиха у Корша, видимо, были веские причины отказаться от формы подлинника, которую он почувствовал и передал бы, будь это необходимо (*Дмитриев Н. К.* Указ. соч. С. 30–31). См. также: *Стецькин Н. Я.* Памяти А. А. Фета. СПб., 1903. С. 18.

³⁵ *Гаспаров М. Л.* Стихотворения Катулла в переводах русских писателей XIX–XX вв. // *Катулл (1986)*. С. 282.

творений присутствуют. Издание Ризе будем считать основным источником латинского текста, так как на него указывает в «Предисловии» к «Стихотворениям Катутлла» сам Фет: «Касательно самой формы нашего перевода считаем нужным присовокупить, что держались нумерации и текста Александра Ризе <...>». ³⁶ Кроме того, в подстрочных примечаниях и в «Предисловии» не раз упоминаются издания Теодора Фридриха Гейзе, Людвига Швабе, а также Рудольфа Вестфалья, с трудом которого Фет был знаком в том числе через Ф. Е. Корша. ³⁷ Возможно, использовалось также издание Мюллера, так как к этому автору Фет обращался при переводах других классиков. ³⁸ Для исторических справок, а также при составлении примечаний Фет обращался к сочинениям Теодора Моммзена и Нибура, которые он цитирует в «Предисловии». ³⁹

Явных причин пропуска стихотворений две:

1. Авторство. К этой группе относятся стихотворения XVIII, XIX и XX. Издатели и исследователи сомневаются в принадлежности данных стихотворений Катутллу. Сам Фет в комментарии, объясняя пропуск этих стихотворений, указывает: «От 18—20 пропущены в тексте Ризе, которого мы держались, как вставки псевдовергилиевых стихотворений <...>». ⁴⁰ Более Фет не уделяет внимания этим стихотворениям, ни разу не упоминая их в дальнейшем. М. Л. Гаспаров пишет: «В рукописях Катутлла за № 17 следует сразу № 21; но французский гуманист М. А. Мюре, издавая Катутлла в 1554 г., вставил сюда три стихотворения из „Приапей“, сборника безымянных стихов I в. до н. э. — I в. н. э., посвященных богу похоти и плодородия Приапу; они печатались здесь под № 18—20 вплоть до XIX в., и когда были исключены, то нумерацию издатели оставили без изменений. Два из них были приписаны Катутллу без всяких оснований; третье же упоминается как катутлловское еще Теренцианом Мавром, грамматиком III в. н. э., как пример „приапейского размера“ <...>». ⁴¹

2. Гораздо больший интерес вызывает пропуск стихотворений XV, XXI, XXXIII, XXXVII, LVI, LVII, LXXX, LXXXVIII, XCVII, CVI

³⁶ Фет. Катутлл (1886). С. XIV.

³⁷ См.: Heuse T. Catull's Buch der Lieder. Berlin, 1889 (переиздание книги 1885 г.); Schwabe L. G. Valerii Catulli Liber. Giessen, 1866 (первое издание вышло в 1862 г.); Westphal R. Catull's Buch der Lieder. Leipzig, 1884.

³⁸ Mueller L. Catulli, Tibulli, Propertii Carmina: accedunt Laevii, Calvi, Cinnae, aliorum reliquiae et Priapea. Leipzig, 1870.

³⁹ Mommsen Th. Römische Geschichte. Berlin, 1856. Bd 3; Niebuhr B. G. Vorträge über römische Geschichte. Berlin, 1846. Bd 1.

⁴⁰ Фет. Катутлл (1886). С. 19.

⁴¹ См.: Катутлл (1986). С. 224.

и СХП. Сам Фет в «Предисловии» указывает следующую причину: «Что же касается до немногих песен, пройденных нами в молчании, то к счастью, отличаясь лишь слишком ярким и непривычным для нас известным античным содержанием, они не в состоянии ни увеличить, ни уменьшить неувыдаемого венца нашего поэта». ⁴² Несомненно, речь идет о нецензурных стихотворениях. Дело в том, что все пропущенные тексты относятся к так называемым «ругательным». ⁴³ Подобные стихотворения в «Книге Катулла Веронского» отнюдь не редкость и не случайность. Анализ наследия древнеримского поэта показывает, что многие его стихотворения именно «ругательные», хотя эту часть литературного наследия Катулла долгое время старательно не замечали. Интересно, что опыты в подобном роде есть и в творчестве самого Фета. Например, эпиграмма «В лакейских нюхая давно...» (1867), написанная по случаю провала В. К. Ржевского, баллотировавшегося в мировые судьи Мценска; ⁴⁴ стихотворное письмо к М. Н. Лонгинову «Я был у Кача и Орбека...» (1871), в котором, между прочим, отразилось отношение Фета к событиям во Франции 1870–1871 годов. ⁴⁵ Инвективные конструкции содержат также стихотворения «Не толкуй об обезьяне...» (1879) и «Понятен зов твой сердобольный...» (1879). Послание «Не толкуй об обезьяне...», адресованное племяннику Фета П. И. Борисову, содержит грубовато-шутливую критику современного Фету университетского образования. ⁴⁶ Эпиграмма «Понятен зов твой сердобольный...» направлена, вероятно, на И. С. Тургенева, позиция которого оказалась чужда поэту. ⁴⁷ Для наглядности приведем последнее стихотворение полностью:

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей,
С базару храм искусств угольный,
Ты с переулка дом б—ей. ⁴⁸

Для лучшего понимания причин появления инвектив у Катулла следует рассмотреть, что же вообще значили бранные стихотворения в творчестве римских поэтов. Необходимо иметь в виду, что существует разница между современным пониманием норм приличия, этики

⁴² Фет. Катулл (1886). С. XIV.

⁴³ Термин М. Л. Гаспарова.

⁴⁴ Подробнее см.: Фет. ССЦП. Т. 5. Кн. 2. С. 369. Примеч. Н. П. Генераловой.

⁴⁵ Там же. С. 386–388. Примеч. Н. П. Генераловой.

⁴⁶ Там же. С. 415–416. Примеч. Н. П. Генераловой.

⁴⁷ Там же. С. 417. Примеч. Н. П. Генераловой.

⁴⁸ Там же. С. 87.

и морали и пониманием данных категорий в Древнем Риме и Греции. Помогавший Фету в его работе над переводами Корш, комментируя появление ругательных стихотворений и отдельных выражений у Катулла, замечал следующее: «...древние смотрели на приличия не совсем так, как смотрим мы. Изречение: „Naturalia non sunt turpia“ („Естественное не постыдно“ — *лат.*) вполне соответствует понятию древних о приличии. Когда мы читаем какого-нибудь Аристофана, то поистине поражаемся, что тогда можно было сказать во всеуслышание самые грязные не только намеки, но и слова; как грек, так и римлянин при известном настроении нисколько не стеснялся в выражениях и называл всякий предмет, всякое понятие соответствующим техническим словом».⁴⁹

Кроме того, необходимо учитывать исторический контекст эпохи, в которую жил и творил Катулл. Жизнь Катулла выпала на переломный период римской истории. М. Л. Гаспаров в статье «Поэзия Катулла»⁵⁰ отмечает, что всего было в достатке, и перед римлянами появилась проблема, решение которой на тот момент еще не было найдено: свободное время. Они еще не научились достойно организовывать свой досуг, *otium*, а поэтому проводили его так, как привыкли проводить праздничные дни: предаваясь, в современном понимании, разгулу и разврату. Особенно бурно отдыхали молодые несемейные люди, к числу которых относился и Катулл. Богемная молодежь Древнего Рима упражнялась в стихотворном мастерстве, и появление подобных ругательных стихотворений было чуть ли не нормой того времени. Немотивированная брань, «технические слова» для обозначения частей тела и действий, которыми так богата лексика Катулла, не являются чем-то эпатажным для литературы Древнего Рима I века до н. э. Интересно, что некоторые бранные стихотворения Катулла по сути своей беззлобны, а поводы для их создания, если вообще просматриваются, то являются ничтожными. По этому поводу Корш писал: «...у Катулла под этой грязью не скрывается никаких безнравственных намерений, вследствие чего эта грязь нас не возмущает. Овидий, например, наоборот, не употребляет неприличных слов, но он часто бывает решительно безнравственен. У Катулла неприличные слова прорываются невинно, это делается у него ради шутки и он никогда на них не настаивает, это — крупная соль, которой он приправляет свое остроумие <...>».⁵¹

Каково же было традиционное отношение русских писателей и переводчиков к бранным стихотворениям Катулла? Начало восприятия

⁴⁹ Корш Ф. Е. Чтения о Катулле. М., <1888>. С. 85—86. Далее: *Корш. Чтения.*

⁵⁰ См.: *Катулл (1986).* С. 167—170.

⁵¹ *Корш. Чтения.* С. 86.

творчества Катулла в России следует отнести к XVIII веку.⁵² Феофан Прокопович, первый русский писатель, обратившийся к творчеству Катулла, считал непристойные стихотворения «осквернением поэзии».⁵³ Инвективы Катулла вступали в противоречие не только с культурной программой классицизма и сентиментализма, но вообще с христианской культурой. Однако к концу XVIII века, в эпоху сентиментализма «ругательные» стихотворения Катулла уже далеко не всеми воспринимаются как нечто неприличное и избыточное в творчестве римского поэта: начинается более полное осознание этой части творческого наследия поэта как неотъемлемой составляющей общей картины художественного мира древних, что позже было проговорено во «Взгляде на мою жизнь» И. И. Дмитриева.⁵⁴ Вот как сформулировал эту мысль А. С. Пушкин: «Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шуток, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостию — искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...».⁵⁵ На это могут указывать и слова Н. Ф. Эмина о Катулле: «Сочинения его все прекрасны, особливо уважают эпиграммы».⁵⁶ Эпиграммы Катулла как раз большей частью бранные. Их, судя по всему, читали, и читали активно, но максимальное внимание уделялось циклу, посвященному Лесбии, а инвективы и бранные стихотворения Катулла в России долго не переводились. «Катулл, — пишет М. Л. Гаспаров, — не пользовался успехом у русских переводчиков: поэты XVIII в., сообразно вкусу своего времени, предпочитали ему Горация, поэты начала XIX в. — Тибулла; когда же до России дошла поднятая романтиками волна интереса к Катуллу, то русская поэзия уже мало интересовалась античностью вообще, и первый полный перевод

⁵² См.: *Кибальник С. А.* Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. М., 1983. С. 45–72.

⁵³ *Прокопович Ф.* Соч. / Под. ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 342.

⁵⁴ Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. М., 1866. С. 92.

⁵⁵ *Пушкин А. С.* Путешествие В. Л. П. // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 239.

⁵⁶ *Эмин Н. Ф.* Подражания древним. СПб., 1795. С. 89. Эмин перевел два стихотворения Катулла: «Лезбие» («Клянeshь меня бесчеловечно...») (LXXXV) и «На смерть воробья Лезбиина» (III).

Катулла, сделанный Фетом, прошел в это время почти без внимания».⁵⁷

Проблему инвективных стихотворений поэты и переводчики чаще всего решали их умолчанием, что объяснимо цензурой, в том числе и личной, внутренней. Поэтому Фет поступил в духе времени и традиции, пропустив бранные стихотворения или заменив строки на более благопристойные. Но уже следующий переводчик, выполнивший спустя век второй после фетовского полный перевод стихотворений Катулла, С. В. Шервинский, имел возможность поступить иначе: его книга, вышедшая в 1986 году, содержит перевод всех без исключения стихотворений Катулла (кроме трех, принадлежность которых Катуллу сомнительна). Но и здесь в стихотворениях XVI, XXXII, LIX, LXVII, LXXX несколько строк заменено отточиями, в чем некоторые исследователи склонны винить издательскую цензуру.⁵⁸

Большая часть пропущенных Фетом стихотворений, видимо, действительно не заинтересовала автора настолько, чтобы искать способы передать «дух оригинала» и при этом не попасть под «кровожадную цензуру». Эти стихотворения Фет более не упоминает ни разу — ни в «Предисловии», ни в «Жизни Катулла», ни в примечаниях к текстам. Посвящены они врагам (а иногда и друзьям) Катулла и написаны на самые разные поводы.

Так, стихотворения XV и XXI обращаются к некоему Аврелию, одному из приятелей Катулла, и составляют собой своеобразную пару: в стихотворении XV Катулл обращается к Аврелию с просьбой присмотреть за мальчиком Ювенцием на время его отъезда, а в XXI обвиняет Аврелия в развращении Ювенция и в том, что тот не исполнил дружеской просьбы.

Стихотворение XXXIII представляет собой обращение к Вибеннию и его сыну, которых Катулл обвиняет в воровстве одежды в бане. Кто такие Вибенний и его сын — доподлинно неизвестно. Стихотворение LVI является подражанием Архилоху. Оно обращено к некоему Катону и описывает случай прелюбодеяния. М. Л. Гаспаров предлагает видеть за именем «Катона» либо поэта и грамматика Валерия Катона, либо знаменитого римского трибуна Марка Порция Катона Младшего, мужественно противостоявшего рвущемуся к власти Цезарю.

Стихотворение LVII относится к «антицезарьянским». Инвектива направлена против Цезаря и одного из его приближенных, Мамурры.

⁵⁷ Гаспаров М. Л. Стихотворения Катулла в переводах русских писателей XIX—XX вв. С. 278.

⁵⁸ См.: Шмараков Р. Л. <Рецензия> Катулл. Лирика / Перевод с латинского Максима Амелина. М.: Время, 2005. 397 с. // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 484.

Мамурра и Цезарь часто становились целью острых эпиграмм Катуллы, что и дало основание исследователям выделить целый «антицезарьанский» цикл. Данная эпиграмма является, пожалуй, самой злой из всех, которые были написаны Катуллом на эту тему. Вероятно, именно подобные стихотворения дали основание Фету еще раз сравнить римского поэта с Пушкиным: «Его эпиграммы своею резкостью и бесцеремонностью (чтобы не сказать цинизмом) снова сближают его для нас с Пушкиным. Оба словно подслушали выражение Вольтера: „*il ne s'agit pas de le rendre ridicule, il s'agit de le deshonerer*“ („дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить“ — франц.) и, стараясь замарать своего врага, они преднамеренно окунали перо в грязь».⁵⁹ Приведем подстрочный перевод стихотворения полностью:

- Pulcre convenit improbis cinaedis,
Мамуррае pathicoque Caesarique.
nec mirum: maculae pares utrisque,
urbana altera et illa Formiana,
5 impressae resident nec eluentur:
morbose pariter, gemelli utrique,
uno in lexiculo erudituli ambo,
non hic quam ille magis vorax adulter,
rivaes socii et puellularum.
10 pulcre convenit improbis cinaedis.⁶⁰

- Отличные существуют отношения между бесстыдными кинедями,
Мамуррой и развратным Цезарем.
И не диво: одинаковые пятна на том и другом,
одно римское, другое формийское,
5 остаются оттиснутые и не смоятся:
одинаково развращенные, и тот и другой близнецы,
оба на одной кушетке знающие толк,
этот не больше, чем тот ненасытный прелюбодей,
товарищи, пользующиеся одними и теми же девчонками.
10 Отличные существуют отношения между бесстыдными кинедями.

Данное стихотворение не содержит нападок на Цезаря как на предводителя, это обвинение в развращенности и порочности, язвительно намекающее, между прочим, и на ученость Цезаря («erudituli» — де-минутив к «eruditus» — просвещенный, образованный, ученый, искусный, тонкий, опытный, утонченный). То, до какой степени Катулл не принимал претензий Цезаря на власть (искренне или лишь как участ-

⁵⁹ Фет. *Катулл* (1886). С. XXVIII.

⁶⁰ *Catullus* (1884). S. 106.

ник политической интриги — остается только догадываться), нашло отражение и в других стихотворениях, которые Фет перевел (например, № XXIX, LIV, XCIII, XCIV и др.), поэтому отказ от данного стихотворения не мешает раскрытию «антицезарьянского» цикла. Вместе с тем именно это стихотворение, возможно, вызвало замечание Цезаря о том, что «Катулл <...> заклеил его вечным клеймом в стихках о Мамурре». ⁶¹ Слова Цезаря, вероятно, относятся к стихам 3—5.

Адресаты следующих трех стихотворений, пропущенных в переводе Фета, остаются неизвестны. Так, стихотворение XCVII обращено к некоему Эмилию, причина резких нападок Катулла непрозрачна. В стихотворении CVI описан продажный мальчик, в котором некоторые видят Ювенция или Клодия. Стихотворение CXII — короткая эпиграмма, состоящая из двух строк. Адресат, которого Катулл обвиняет в мужеложстве, тоже остался неизвестным.

Мы прояснили, какие именно стихотворения Фет оставил непереусленными. Но важно то, что некоторые пропущенные в переводе тексты Фет не предаст забвению, упоминая их и в «Жизни Катулла», и в постраничных комментариях к другим стихотворениям.

Наибольший интерес для нас представляет стихотворение XXXVII, которое упоминается чаще всего: к нему Фет обращается трижды. Впервые — в «Жизни Катулла», когда рассуждает о том, как Катулл переживает неверность Лезбии: «Как он при этом страдает, чувствуя притом собственную верность, свидетельствуют ст. 87, 75 и в особенности ст. 76; что при этом страдает и его нравственное достоинство, видим мы по тону многих стихотворений против его соперников, к которым Лезбия обращается с постепенно возрастающей необузданностью, как, напр., против Руфа (77), Геллия (91), Квинтия (82), неизвестного (78 b), против Лезбия (79) и наконец даже *против Эгнатия и подобных (37)*». ⁶² В «Жизни Катулла» мы встречаем и второе упоминание этого стихотворения: «Но и утратив уважение и благожелательство к любимой женщине, Катулл не в силах был надолго сохранить самую непосредственную страсть, когда Лезбия стала открыто предаваться разврату, как о том свидетельствуют *пропущенная нами 37* и затем 58, 76, 24». ⁶³ В третий раз упоминание стихотворения XXXVII встречается в примечании к стихотворению XXXIX: «Это <...> стихотворение обращено против щеголя Эгнатия, имевшего привычку всюду скалить свои белоснежные зубы и раздражившего Катулла, как видно из *про-*

⁶¹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1993. С. 73.

⁶² Фет. Катулл (1886). С. XXII. Курсив наш. — Н. А.

⁶³ Там же. Курсив наш. — Н. А.

пущенного нами 37, своим ухаживанием за Лезбией». ⁶⁴ Столь частые упоминания пропущенного стихотворения — а в данном контексте три упоминания можно считать частыми — свидетельствуют о безусловном интересе Фета к стихотворению XXXVII. Для наглядности приведем дословный подстрочный перевод:

Salax taberna vosque, contubernales,
a pilleatis nona fratribus pila,
solis putatis esse mentulas vobis,
solis licere, quicquid est puellarum,
5 confutuere et putare ceteros hircos?
an, continenter quod sedetis insulsi
centum an ducenti, non putatis ausurum
me una ducentos irrumare sessores?
atqui putate: namque totius vobis
10 frontem tabernae sopionibus scribam.
puella namque, quae meo sinu fugit,
amata tantum quantum amabitur nulla,
pro qua mihi sunt magna bella pugnata,
consedit istic. hanc boni beatique
15 omnes amatis, et quidem, quod indignum est,
omnes pusilli et semitarii moechi;
tu praeter omnes une de capillatis,
cuniculosae Celtiberiae fili,
Egnati, opaca quem bonum facit barba
20 et dens Hibera defricatus urina. ⁶⁵

Похотливая лачуга и вы, контуберналы,
от братьев, носящих головные уборы, девятый столб,
вы полагаете, что лишь у вас есть мужские достоинства,
что вам одним позволено со всеми женщинами
5 находиться в половой связи и считать остальных козлами?
Неужели, что вы сидите сплошным рядом, пошлые,
сто или двести, не думаете, что рискну
одновременно двумстам сидящим **irrumare**?
Подумайте же: ибо ведь всю вам
10 внешнюю сторону лачуги я распишу мужскими достоинствами.
Так как девушка, которая от моих объятий уклонилась,
столь любимая, сколь не будет любима никакая,
за которую мной велись такие долгие сражения,
села там. Эту, знатные и богатые,
15 все вы любите, и притом, что недостойно,
все ничтожные и закоулочные развратники;

⁶⁴ Там же. Курсив наш. — Н. А.

⁶⁵ *Catullus* (1884). S. 73–75.

ты перед всеми, первый из волосатых,
сын изобилующей кроликами Кельтиберии,
Эгнатий, чье достояние составляет густая борода
20 и зуб, начищенный иберийской мочой.

Позднее перевод пропущенного Фетом стихотворения XXXVII приводит в качестве иллюстрации в своей статье «Римская элегия и романтизм» Ф. Е. Корш, что нам кажется не случайным:

Вы, гости кабака, известного развратом
(От братьев в колпачках дверь при столбе девятом)!
По-вашему, лишь вы мужских достойны прав,
Все женщины живут для ваших лишь забав,
А прочих за козлов считаете смердящих?
Иль оттого, что вас, вплотную там сидящих,
Сто, двести олухов, вы думаете так,
Что побоюсь задеть я двести вдруг сидяк?
Но знайте: я готов и стену всю у входа
Покрою знаками достойного вас рода.
Ведь с груди женщина безавшая моей,
Которой ни одна не будет мне милей,
Из-за которой вел я войны без пощады,
Засела между вас. Вы все пылать к ней рады.
Богаты, знатны вы, но, что мне в вас претит,
Вы все из уличных, ничтожных волокит,
А худший ты, — как франт, в прическе покосматей,
Сородич кроликов, ты, Кельтибер Эгнатий,
Красавцем славимый за бороды размер
И зубы, мытые, чем моет их Ибер.⁶⁶

В этом стихотворении Катулл «выступает против своих соперников и, должно быть, уже не в первый раз, если то, что он говорит о войнах, веденных им за Лезбию, следует понимать в этом смысле». ⁶⁷ «Taberna» при переводе традиционно принято понимать как злачное место, питейное заведение, в котором знатым людям («contubernales») появляться было запрещено. В таком ключе переводит первую строку и Корш, подтверждая это в комментарии. Однако фактическая основа данного стихотворения некоторым исследователям видится иначе: возможно, речь идет не о таверне вовсе, а, например, о доме самой Лесбии (Клодии), которая принимает у себя своих любовников. Был ли данный сюжет отражением реальных событий или это просто фантазия поэта на тему зарисовки Цицерона в речи «За Целия» (где он обви-

⁶⁶ Корш Ф. Е. Римская элегия и романтизм. М., 1899. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 21.

нял Клодию во всевозможных преступлениях против нравственности и добродетели), остается загадкой. Перевод Корша оказался очень близким, он точно передал количество строк, композиционную организацию стихотворения. Однако сложная задача сохранения аллитерационного рисунка выполнена не была (следует отметить, что и более поздние переводчики с этой задачей не справились). Не соблюдена и анафора в стихах 3—4. Бранный глагол «irrumare», появившийся в стихе 8 и означающий «mentulam in os inserere»,⁶⁸ Корш переводит «задеть», что, конечно, не передает всю грубую экспрессию слова, но в целом настроение стихотворения отражено. Позднее Шервинский перевел данный глагол фразой «в рот вмазать».

Стихотворение XXXVII, как замечает Корш, составляет своеобразный цикл с VIII и XXXIX. Все они написаны одинаковым размером — холиямбом (Катулл одним из первых перенес данный размер из греческой поэзии на римскую почву). Помимо размера, их объединяет тема: размолвка с возлюбленной. На связь стихотворения XXXVII с XXXIX указывает и Фет, отмечая общность адресата — Эгнатия.

Столь частое упоминание стихотворения XXXVII, а также то, что к его переводу позднее обратился Корш, на наш взгляд, дает основание предположить, что именно это стихотворение Фету особенно не хотелось выпускать. Очень эмоциональное, полное отсылок к бытовым римским реалиям, имеющее интересный звуковой рисунок и стилевую пестроту, оно не могло не заинтересовать такого знатока античности, как Фет.

Помимо XXXVII, встречаются упоминания еще двух стихотворений — LXXX и LXXXVIII. Обращенные к некоему Геллию, они представляют собой составляющие целой вереницы стихотворений, объединенных одним адресатом. М. Л. Гаспаров полагает, что речь идет, вероятнее всего, о Луции Геллии Попликоле, который стал консулом в 36 году до н. э., был одно время дружен с Катуллом, но поссорился с ним из-за соперничества в любви. В дальнейшем неоднократно высмеивался Катуллом и обвинялся в многочисленных инцестах. Вот что пишет по этому поводу Фет в примечании к стихотворению XCI: «Геллий в любовном походе, которое, — судя по ст. 2 и 6 можно отнести к Лезбии, — предательски злоупотребил доверием Катулла, своего до той поры товарища (7), на которого тот, однако, смотрел не без недоверия (ст. 3). Геллий, как видно, старался отбить Лезбию у Катулла (сличи 74). Настоящее, равно как и 30 и 77, из души изливающееся

⁶⁸ Нецензурная лексика составителями словарей и многочисленными комментаторами Катулла не переводится и толкуется на латыни. Мы также придерживаемся этой традиции.

стихотворение может быть сочтено за первое из обращенных к Геллию. За ним можно поставить *полудружеское 80* и потом уже все враждебные». ⁶⁹ Пропущенное стихотворение LXXXVIII — также выпад против Геллия — упоминается в комментарии к стихотворению LXXIV: «Это первый нападок на Геллия. Вероятно, ревность из-за Лезбии (91, 6) была первым поводом этой ненависти. Катулл обвиняет его ни много ни мало в кровосмешении с матерью и сестрами (88—91), любодеей с женою своего дяди (74, 88, 89) и другими родными». ⁷⁰

Указания на эти пропущенные стихотворения вводятся Фетом, по-видимому, только для полноты представления всех перипетий отношений Катуллы и Геллия. Не акцентирует на них внимания и Корш — ни в «Римской элегии...», ни в «Чтениях о Катулле».

Конечно, пропущенные при переводе 11 стихотворений (три стихотворения, в авторстве которых есть сомнения, мы не рассматриваем) — лишь часть бранных произведений Катуллы. Обилие ругательных стихотворений в сборнике Катуллы не позволило бы исключить из перевода все тексты, содержащие нецензурные сцены или лексику. Более того, Фет, как мы уже говорили, видел в многообразии Катуллы его единство, и исключение одного из аспектов непременно исказило бы общее звучание книги. Поэтому отдельно хочется отметить перевод таких стихотворений, не обойденных вниманием Фета. Например, небольшое программное стихотворение XVI, насчитывающее всего 14 строк:

Подстрочный перевод

Pedicabo я вас и **irrumabo**,
Развратный Аврелий
и бесстыдный Фурий,
которые решили из-за моих
стишков,
потому что они распутные, что
я недостаточно стыдлив.
5 Ведь нравственно чистым
подобает быть
благочестивому поэту
Самому, стишкам нисколько
не должно,
тогда, наконец, они имеют
остроту, а также изящество,

Фет

К АВРЕЛИЮ И ФУРИЮ

В лицо всех пакостей наделаю
я вам,
Аврелий мерзостный и с Фурием
постыдным,
Которые меня, судя лишь по
стихам
Моим изнеженным, считаете
бесстыдным.
5 Поэту чистоту хранить своей души
Прилично, но стихам не нужно то
нимало,
Которые тогда остры и хороши,
Когда отчасти в них
распущенность нахала;

⁶⁹ Фет. Катулл (1886). С. 128. Курсив наш. — Н. А.

⁷⁰ Там же. С. 118. Курсив наш. — Н. А.

когда они распутные, а также	И если щекотят, пусть будут
недостаточно стыдливые,	раздражать,
и оттого могут побуждать быть	10 Я не скажу ребят, а взрослых без
похотливым,	желаний,
10 я говорю не о мальчиках, но об	Которые, себя не в силах
этих волосатых,	взволновать;
которые не могут двигать	А вы, читая в них про тысячи
тяжелые чресла.	лобзаний,
Вы, что о многих тысячах поцелуев	Уж полагаете, что я негодник сам;
прочли, считали меня менее	В лицо всех пакостей наделаю
мужественным?	я вам. ⁷²

Pedicabo я вас и **irrumabo**.⁷¹

Глагол «pedicare» означает «mentulam in podicem inserere», глагол «irrumare» («mentulam in os inserere») уже встречался нам в стихотворении XXXVII. Но если в стихотворении XXXVII этот глагол, вероятнее всего, выступает в своем прямом значении, то в стихотворении XVI мы наблюдаем другое. Прежде всего следует помнить, что это стихотворение адресовано двум близким приятелям Катуллы, Аврелию и Фурию. Поэтому, вероятно, формула «Pedicabo ego vos et irrumabo» в данном случае имеет значение грубоватого шуточного обращения, своеобразного дружеского проклятия, принятого между молодыми людьми. Комментатор Катуллы Кеннет Квинн, например, говорит о возможности прочтения этой фразы как чего-то среднего между «I'll treat you with contempt» и «go to hell!» («Я буду относиться к вам с презрением» и «идите к черту!» — *англ.*).⁷³ Отметим, что эта строка вызывала труд-

⁷¹ Это стихотворение наглядно показывает внимательное отношение Катуллы к звуковому оформлению:

Pedicabo ego vos et irrumabo,
 Aureli **pathice** et cinaede Furi,
 qui me ex versiculis meis **putastis**,
 quod sunt molliculi, **parum pudicum**.
 5 nam castum esse decet **pium poetam**
 ipsum, versiculos nihil necesse est,
 qui tum denique habent salem ac leporem,
 si sunt molliculi ac **parum pudici**
 et quod **pruriat** incitare **possunt**,
 10 non dico **pueris**, sed his **pilosis**,
 qui duros nequeunt movere lumbos.
 vos, quod **milia multa** basiorum
 legistis, **male me marem putatis?**
pedicabo ego vos et irrumabo (*Catullus* (1884). S. 37–38).

⁷² *Фет. Катулл* (1886). С. 16–17.

⁷³ *Catullus Gaius Valerius*. The poems / Ed. with introd., rev. text and comment. by Kenneth Quinn. New York, 1973. P. 143.

ности перевода (или публикации перевода?) и в последующем. Фет перевел ее так: «В *лицо* всех пакостей наделаю я вам» (интересно, что последняя строка в издании 1886 года звучит как «В *лице* всех пакостей наделаю я вам», в латинском же тексте, как мы видим, нет никаких различий между первым и последним стихами). Если рассматривать первую строку как устойчивую разговорную конструкцию, то перевод Фета не только вполне отражает грубовато-дружеский оттенок стиха оригинала, но при этом и довольно близко (насколько это возможно) передает значение глагола «*irritare*». Однако стоит отметить, что Фет, который (как мы уже увидели на примере перевода стихотворений XLIX, LXXXIV) был очень внимателен к стилю Катулла, на этот раз не только не передал особенности звукового рисунка (ср., например, аллитерационную эпифору в стихах 4–5 оригинала), но и несколько нарушил композицию стихотворения. В оригинале композиционный строй организован двумя кольцевыми структурами. Внешнее кольцо образуют первая и последняя строки, такая конструкция придает стихотворению вид обрядового заклинания. Внутреннее кольцо, которое составляют стихи 4 и 8, заключает в себе основную мысль этого стихотворения: грубый выпад против Фурия и Аврелия переходит в рассуждения о разнице между личностью автора и поэта-творца. В переводе Фета стихи 4 и 8 разные.

В других стихотворениях проблему перевода бранной лексики Фет также решает использованием эвфемизмов и некоторым смягчением грубости стиха Катулла. Так, в стихотворении XXXVI, которое тоже имеет кольцевую композицию (последняя строка этого произведения — «*Annales Volusi, sacata carta*» — в латинском тексте точно повторяет первую: по содержанию и композиции стихотворение является своеобразным шутивным обрядом с обращением к богам и заклинанием поэмы Волюзия отправиться в огонь), выражение «*sacata carta*» Фет перевел (на наш взгляд, очень удачно) в начале как «зловонное маранье», а в конце — «зловонные листы». Ризе предлагает понимать это словосочетание как «очень грубое выражение „запачканная бумага“»,⁷⁴ слово «*sacata*» является причастием, образованным от глагола «*sacare*» — испражняться, выделять испражняясь, изгаживать, марать.

В стихотворении XLI Фет снова смягчает ругательную лексику при переводе первого стиха «*Ameana puella defututa*». Определение «*defututa*», имеющее значение «*venere effetus*», Фет переводит «трепанная дева». Ризе в комментариях к латинскому тексту вводит пояснение: «Так сказать, „испорченная, развращенная, разорившаяся“».⁷⁵

⁷⁴ *Catullus (1884)*. S. 70.

⁷⁵ *Ibid.* S. 79.

В некоторых случаях изменение перевода отдельных стихов особо оговаривается Фетом в подстрочных примечаниях. Например, в одном из стихотворений «антицезарьянского» цикла (№ XXIX), направленном против Мамурры, Фет заменяет прозвище Мамурры «*Mentula*» (что означает «*membrum virile*») на «хлыщ», поясняя в примечаниях: «Нет сомнения, что своим любострастием он в Риме заслужил уличную кличку *Mentula*, которую мы переводим словом *хлыщ*, которым так часто играет Катулл в своих нападках на Мамурру».⁷⁶ Далее это прозвище появляется и в других стихотворениях, обращенных к тому же адресату (ср., например, стихотворения XCIV, CV, CXIV, CXV).

Использование бранной лексики в стихах Катулла имело разное значение: это и дружеское проклятие, и публичное порицание, и неприкрытая угроза, и издевка. Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в каждом конкретном случае Фет, по нашему мнению, смог передать смысл фразы или одного слова, обойдя при этом нецензурную лексику и сохранив не только общее значение, но и эмоционально-экспрессивную окраску всего стихотворения.

Однако в некоторых случаях использование эвфемизмов влечет за собой если не искажение смысла стиха, то появление возможности двойного толкования текста. Так происходит, например, при переводе стихотворения LXXIV:

Подстрочный перевод

Геллий услышал, что дядя имеет
обыкновение бранить,
если кто-то говорил или делал
забавные вещи.
Чтобы не случилось это с ним, он
основательно помял саму дяди
жену, и заставил дядю молчать.
5 Что захотел — сделал:
действительно, сколь бы ни
irrumet самого
теперь дядю, не произнесет ни
слова дядя.⁷⁷

Фет К ГЕЛЛИУ

Геллий наслушался, как его дядя
обычно бранился,
Если постыдное что кто говорил
иль свершал.
Чтоб не случилось с ним того же,
то дяди супругу
Он переделал, и вот дядюшка стал
Гарпократ.
5 Взял теперь он свое: хоть что он
ни делай над дядей
Даже самим, то и тут дядя наверно
сморчит.⁷⁸

⁷⁶ Фет. *Катулл* (1886). С. 26. Позднее Шервинский перевел прозвище Мамурры как «хрен».

⁷⁷ Gellius audierat patrum obiurgare solere,
siquis delicias diceret aut faceret.
hoc ne ipsi accideret, patrum perdepuit ipsam
uxorem et patrum reddidit Harpocratem.

5 quod voluit fecit: nam, quamvis irrumet ipsum

nunc patrum, verbum non faciet patrum (Catullus (1884). S. 244–245).

⁷⁸ Фет. *Катулл* (1886). С. 118–119.

Перевод уже знакомого нам глагола «*iggnare*» в стихе 5 очень абстрактный — «что он ни делай». Не зная оригинала, догадаться об истинном смысле этих строк может, пожалуй, лишь очень внимательный читатель. Но здесь на помощь приходит комментарий, которым Фет сопроводил свой перевод. Изменяется смысл стихов 10—11 и в стихотворении XXXII:

Подстрочный перевод	Фет
10 Так как я лежу объевшийся и сытый, обращенный лицом вверх, Продырявил и тунику, и плащ. ⁷⁹	10 Так как я сыт и навзничь повалился, Туника мне и палий даже узки. ⁸⁰

Из-за смягчения грубости стиха 11 появляется возможность двойного толкования текста. Этой двузначности прочтения нет в оригинальном тексте Катуллы (в оригинале одежда тесна герою отнюдь не из-за чрезмерной сытости, как можно было бы подумать).

Стоит отметить, что подобные изменения наблюдаются не только при переводе инвективных стихотворений. Фет сознательно допускает отклонения от оригинала и в других случаях. Например, при декларируемой точности перевода Фет иногда переводит по-разному одну и ту же лексическую единицу (ср. упомянутое стихотворение X, в котором «*insulsus*» переведено «непропека», и стихотворение XVII: превосходная форма прилагательного «*insulsus*» — «*insulsissimus*» — переводится на сей раз как «несоленейший», что является дословным переводом). В подстрочном примечании Фет сам обращает внимание читателей на такую «непоследовательность».⁸¹

Изменение оригинального текста «в интересах русского читателя»⁸² проявляется и в выборе более знакомых нам реалий. Так, в стихотворении I именно этой причиной Фет объясняет выбор имени «Муза» вместо «Минерва» при переводе перифразы «*patrona virgo*».

Как видно, изменения коснулись не только состава сборника, но и нашли отражение на всех уровнях текста. Подобные отступления от оригинального стиха (причем не только формальные, но иногда и смысловые), видимо, осознавались Фетом как неизбежные. Он понимал невозможность передачи средствами русского языка именно «римского Катуллы», о чем прямо заявил в «Предисловии»: «...не смущает нас

⁷⁹ 10 *nam pransus iaceo et satur supinus
pertundo tunicamque palliumque* (*Catullus* (1884). S. 64).

⁸⁰ Фет. Катулл (1886). С. 29.

⁸¹ См.: Там же. С. 11, 18.

⁸² Там же. С. 1.

и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета, придаваемого мрамору крылами веков, налета, которым красуется каждая черта латинского лица того же Януса»⁸³ (эту мысль Фет повторил и во второй строфе «Посвящения» Вл. Соловьеву).⁸⁴ И если непереведенную игру слов и звуков, использование перифраз и эвфемизмов можно объяснить разницей языков, некоторой адаптацией текста для русского читателя и влиянием цензуры, то причины пропуска целых стихотворений кроются глубже. Такое решение вопроса перевода бранных стихотворений было традиционным и до Фета, и некоторое время после него. Дело не только в морально-этических нормах эпохи, но и в понимании значения подобного рода стихотворений для творчества Катулла. Фет впервые показал их как неотъемлемую составляющую целостной картины. Вместе с тем Фет, в отличие от своих предшественников, так или иначе обращавшихся к творчеству Катулла, понимал, что ставить знак равенства между Катуллом-личностью и Катуллом-поэтом неверно: «...мы слишком хорошо знаем, что связь между житейским (эмпирическим) характером человека и его умственной деятельностью далеко не та, что между эмпирическим характером и эмпирическими действиями, и часто бывает совершенно обратная. Так, например, нелюдимый ипохондрик Гоголь не перестает хохотать в своих произведениях».⁸⁵ Поэтому, отдав дань традиции, Фет, тем не менее, пошел дальше и нашел возможность ввести пропущенные стихотворения в ткань книги, пусть лишь упоминаниями и примечаниями.

⁸³ Там же. С. IX.

⁸⁴ Это замечание вызвало впоследствии негативную реакцию Ю. А. Кулаковского: «Фет так искренно любит свое дело и много работал. Жаль, что результаты не вполне удачны. Его Катулла ведь нельзя вовсе признавать даже существующим, для его же славы. Он, сам поэт-лирик, так искажил прелестного Катулла — и придумал себе (в предисловии) такое смешное оправдание. То, что я менее доволен его переводами, чем бы того хотелось, мешает мне и писать о них» (цит. по: *Кулаковский Ю. А. К юбилею А. А. Фета // ФетСб(2)*. С. 444). Позднее, однако, Кулаковский все же написал несколько строк о переводе Катулла, но мнение его осталось прежним: «Хотя г. Фет сам лирик, но перевод наиболее искреннего римского лирика, Катулла, ему совершенно не удался. Его утверждение в „Предисловии“ к Катуллу, что он хлопотал прежде всего о точности и не желал делать переложения, не допускал „вольного перевода“, его шутки насчет „двуликой Гермы“, которую представляют Катулл латинский и Катулл русский, нисколько не улучшают дела. Переводчик слишком просто понимает здесь точность перевода, которая ведь не в том только состоит, чтобы на месте стихов и слов одного языка стояли стихи из соответствующих слов другого» (цит. по: Там же. С. 514).

⁸⁵ *Фет. Катулл (1886)*. С. XXXI.